МЭРИ ЭЛИЗАБЕТ БРЭДДОН

ТАЙНА АДВОКАТА

18+

18+

Мэри Брэддон
Тайны адвоката

https://litres.ru/74753882
SelfPub; 2026

Аннотация

До свадьбы адвокат Генри Долтон готов был отказаться от наследства ради свободы Эллинор. Но после свадьбы не даёт ей распоряжаться её же деньгами. Она обвиняет его в корысти, а он даже и не пытается оправдаться. Что произошло за три часа его разговора с её опекуном и почему расплачиваться за это приходится ей?

Полный русский перевод с английского с иллюстрациями.

Содержание

Глава 1. В конторе стряпчего 4
Глава 2. Тайна приоткрывается 16
Глава 3. После медового месяца 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Мэри Брэддон
Тайны адвоката

Глава 1. В конторе стряпчего

— И надо же было придумать такое досадное условие! Оно перечёркивает все выгоды завещания, — сказала дама.

— Это условие придётся исполнить, иначе вы лишитесь состояния, — ответил джентльмен.

Затем он принялся выстукивать кончиками пальцев марш на обтянутом сафьяном конторском столе; дама постукивала ногой в такт.

Джентльмен был раздражён, дама — тоже. О даме прискорбно сообщать подобное: она была очень молода и очень хороша собой. В сердитом блеске её тёмно-серых глаз была даже своя своенравная прелесть — правда, такая, что человека с чувствительными нервами она скорее испугала бы.

Она была очень красива. Волосы — самого тёмного каштанового оттенка, глаза — серые; те большие серые глаза под длинными чёрными ресницами, которые опаснее всех прочих глаз, когда-либо созданных на погибель честным мужчинам. Они напоминали глубокие водоёмы, сверкавшие в обрамлении тёмных камышей; напоминали заблудившиеся звёзды в чёрном полуночном небе. Но красота их словно

предупреждала: «Опасность!» — как сигнальный фонарь, извещающий, что вслед за медленным поездом несётся скорый. У неё был орлиный нос, небольшой, чётко очерченный рот с очень решительным выражением, смугловатое и довольно бледное лицо. Она была высока; голову на покатых плечах держала с гордой грацией, а руки у неё были безупречны.

Джентльмен был лет на десять или пятнадцать старше. Он тоже отличался редкой красотой, но во всём его обращении чувствовалось вялое равнодушие; оно сказывалось даже в выражении лица и словно затмевало самую его красоту.

Отчего человек, столь щедро одарённый природой, мог казаться настолько утомлённым жизнью? Одна эта загадка заставляла видеть в нём человека, который под внешним спокойствием скрывает какую-то мрачную тайну.

Он был темноволос и бледен, с крупными чертами и задумчивыми карими глазами, которые редко смотрели прямо на собеседника из-под тяжёлых полуприкрытых век. В очертании рта было что-то одухотворённое; губы были тонки. Но лицу недоставало одного качества, а вместе с ним и той силы, которая составляет высшую мужскую красоту: ему недоставало твёрдости.

Он сидел, понурившись, и мрачно барабанил тонкими пальцами по столу.

Всё это происходило в конторе стряпчего в Грейз-инне. Здесь находилась и третья особа — пожилая, чрезмерно на-

рядная дама, во внешности которой угадывалась поблекшая красота. В разговор она не вмешивалась: сидела в удобном кресле у камина и перелистывала плотные листы *«Таймс»*. При каждом движении газета издавала резкий хрустящий шелест, неприятный и молодой даме, и джентльмену с их чувствительными нервами.

Джентльмен, стряпчий Горас Маргрейв, был опекуном молодой дамы и исполнителем завещания её дяди. Её звали Эллинор Арден. Дядя, Джон Арден, владелец поместья и деревни Арден в Нортгемптоншире, назначил её единственной наследницей, которой предназначалось всё его состояние; как раз сегодня она достигла совершеннолетия. Мистер Маргрейв был близким и преданным другом её отца, умершего десять лет назад, и её недавно скончавшегося дяди. Эллинор с детства привыкла думать: если на земле существуют правда, честность и дружба, то все три воплотились в Горасе Маргрейве, стряпчем из Грейз-инна.

Сегодня он пытается объяснить ей довольно своеобразные условия дядиного завещания и примирить её с ними.

— Во-первых, моя дорогая Эллинор, — говорит он, всё так же барабаня по столу и глядя на него, а не на неё, — у вас не было особых оснований рассчитывать на наследство вашего дяди Джона Ардена, владельца Ардена.

— Я была его ближайшей родственницей, — ответила она.

— Допустим. Но из этого вовсе не следует, что вы были

ему дороги. Ваш отец и он, по любезному обычаю, столь распространённому между братьями в нашей христианнейшей стране, большую часть жизни оставались почти чужими друг другу. Вас дядя никогда не видел: ваш отец жил в небольшом поместье жены на севере Шотландии. Вы росли в том отдалённом краю до смерти отца десять лет назад. Затем вас отправили в Париж воспитываться под надзором тётушки. Таким образом, вы так и не познакомились с Джоном Арденом, владельцем Ардена, единственным братом вашего отца.

— Отец так боялся, что его дурно поймут! Попытайся он познакомить дочь с богатым братом, могли подумать…

— Что ему нужны деньги этого богатого брата. Могли подумать? Моя милая, непременно подумали бы! Ваш отец поступил с гордостью нортгемптонширских Арденов, поступил как великодушный английский джентльмен, а в глазах света — как дурак. Итак, вы никогда не рассчитывали унаследовать дядины деньги?

— Никогда. И никогда этого не желала. Мне вполне хватило бы небольшого материнского состояния.

— Лучше бы у вас никогда не было ни пенни сверх него!

Произнося эти несколько слов, Горас Маргрейв изменился в лице: сквозь вялую безучастность на миг проступила боль.

Он так редко говорил о чём бы то ни было с искренней горячностью, что Эллинор Арден, поражённая этой переменой, вдруг подняла на него испытующий взгляд. Но лицо

его уже вновь приняло усталое выражение. Он продолжал с прежним равнодушием:

— Ко всеобщему удивлению, дядя завещал всё состояние вам, и только вам, хотя вы были ему чужой. Так он поступил не из любви к вам, а из чувства долга перед умершим братом. Самый близкий ему человек не был связан с ним узами родства, и, без сомнения, дядя счёл несправедливым обойти единственную дочь единственного брата ради постороннего. Этот посторонний, дядин воспитанник, — сын женщины, которую он когда-то любил. Но она предпочла другого — беднее и скромнее по положению, чем помещик Арден из Ардена. Она вышла за этого небогатого поклонника, Джорджа Долтона, молодого врача в маленьком провинциальном городке. Через три года после свадьбы она умерла, оставив единственного ребёнка — мальчика. Его отец скончался, когда сыну было всего четыре года, и тогда ваш дядя взял ребёнка к себе. Сам он так и не женился, посвятив себя воспитанию сына отвергнувшей его женщины. Однако мальчика не приучали видеть в себе наследника. Дядя воспитывал его так, как следует воспитывать человека, которому предстоит самому пробивать себе дорогу. Он дал молодому Долтону университетское образование, подготовил его к адвокатской деятельности; за год до дядиной смерти тот выступил в своём первом деле. Молодому адвокату он не оставил ни шиллинга.

— Но…

— Но всё состояние оставил вам при условии, что в течение года после совершеннолетия вы выйдете замуж за Генри Долтона.

— А если я выйду за кого-нибудь другого или откажусь от этого аптекарского сына, то лишусь состояния?

— До последнего фартинга.

Ласковая улыбка озарила её лицо. Она поспешно поднялась с кресла и встала перед столом, за которым сидел стряпчий.

— Пусть так, — решительно сказала она. — Я откажусь от состояния. С материнского имения я получаю сто фунтов в год — любой женщине довольно. Я откажусь от состояния и… — Она на мгновение умолкла. — И выйду за человека, которого люблю.

Мы уже говорили о бледности смуглого лица Гораса Маргрейва; но при этих словах Эллинор Арден оно стало мертвенно-пепельным, а чёрные, резко очерченные брови болезненно сдвинулись над полузакрытыми глазами.

Она стояла, слегка опираясь на стол маленькой рукой в перчатке. Тёмные ресницы были опущены, щёки слегка порозовели, и перемены в лице Гораса Маргрейва она не заметила. Минуту-другую ждала, что он скажет о её решении; не дождавшись ни слова, нетерпеливо отвернулась и села на прежнее место.

Мистер Маргрейв лениво поднял на неё глаза. Голос его был до крайности безучастен.

— Бедное моё романтическое дитя! Отбросить три тысячи годового дохода, не говоря об Арден-холле и обширных землях, к нему принадлежащих, и выйти за любимого! Милая, поэтическая Эллинор, осмелюсь ли я спросить, кто же этот счастливец, ради которого вы готовы на такую жертву?

Вопрос казался простым и прямым — тем более из уст делового человека, много старше её, давнего друга покойного отца, её опекуна и попечителя. Но Эллинор Арден он привёл в мучительное смущение. Лицо её залилось густым румянцем; губы чуть дрожали, она пыталась заговорить — и не могла произнести ни слова. Молчание длилось несколько минут. Горас Маргрейв рассеянно открывал и закрывал перочинный нож, ни разу не взглянув на прекрасную подопечную. Пожилая дама у камина не однажды перевернула хрустящие листы *«Таймс»* за это недолгое молчание, казавшееся таким длинным.

Условие завещания.

Первым заговорил Горас Маргрейв.

— Моя дорогая Эллинор, ещё сегодня я, ваш опекун, имел полную власть распоряжаться вашими поступками; надеюсь,

и впредь сохраню право давать вам советы. Уж это позволяет мне рассчитывать на некоторую откровенность. Скажите же прямо — такому немолодому стряпчему, как я, можно сказать, — кто этот счастливейший из смертных? За кого вы предпочли бы выйти вместо Генри Долтона, приёмного сына вашего дяди?

На этот раз он, говоря, посмотрел на неё, а она смотрела прямо на него; их глаза встретились. В её долгом, пристальном взгляде были укор и печаль; в его — такая мрачная скорбь, какой не выразить словами.

Он первым опустил веки и, продолжая играть рукояткой перочинного ножа, сказал:

— Вы так долго не даёте мне простого и ясного ответа, моя милая, что я начинаю считать этого героя существом мифическим, а ваше сердце — свободным. Скажите, Эллинор, разве не так? Вы столь мало видели людей, столько лет провели в полном уединении парижского монастыря, а вне его вас столь бдительно, поистине с зоркостью Аргуса, охраняла почтенная тётушка, что я решительно не понимаю, как вы умудрились потерять своё милое, великодушное сердце. Подозреваю, вы просто хотите меня озадачить. Итак, раз и навсегда, моя дорогая подопечная: посчастливилось ли кому-нибудь завоевать вашу любовь?

Задавая этот решающий вопрос, он робко взглянул на неё снизу вверх, из-под тёмных ресниц, словно человек, ожидающий удара и знающий, что при этом ударе невольно вздрог-

нет и зажмурится.

Румянец сошёл с её лица, оставив его мертвенно-бледным.

— Нет! — твёрдо произнесла она.

— Никому?

— Никому.

Горас Маргрейв глубоко вздохнул с облегчением и продолжал прежним тоном — тоном человека сугубо делового:

— Прекрасно, моя дорогая Эллинор. Поскольку никакой прежней привязанности у вас нет, поскольку ваш дядя горячо просил, нет, торжественно заклинал вас вступить в этот брак, а также поскольку Генри Долтон — очень достойный молодой человек…

— Я ненавижу достойных молодых людей! — нетерпеливо перебила она. — Ужасающе безупречные создания со светлыми волосами и румяными щеками. Они поют в церкви и носят сапоги на двойной подошве. Терпеть их не могу.

— Моя дорогая Эллинор! Моя дорогая Эллинор! Жизнь не пьеса и не трёхтомный роман. Поверьте, счастье жены очень мало зависит от цвета волос мужа или покроя его сюртука. Если он вами пренебрегает, легче ли будет вам, одинокой и покинутой дома, от воспоминания о том, как гордо и изящно он держит голову? Быть может, в эту самую минуту она склонена над зелёным сукном клубного стола для виста. Если он терзает ваше сердце ревностью, утешит ли вас воспоминание о его прекрасных ореховых глазах, чей

взгляд больше не встречается с вашим? Нет, нет, Эллинор, отбросьте школьные мечты о байронических героях с отложными воротниками и плохо развитым нравственным чувством. Выходите за Генри Долтона. Он так добр, честен и рассудителен, что вы непременно научитесь уважать его. Из уважения родится привязанность; и, как ни странно это звучит, в будущем вы полюбите его сильнее именно потому, что сейчас любите не слишком пылко.

— Как пожелаете, мой дорогой опекун, — ответила мисс Арден. — Пусть будет Генри Долтон и состояние. Мне было бы очень жаль не последовать вашему превосходному, благоразумному, деловому совету.

Она старалась говорить с таким же равнодушием, как он, но невольно выдавала сильное волнение.

— Если мы хотим обедать в шесть… — вмешалась поблекшая красавица у камина, каждые три минуты выглядывавшая из-за газеты в тщетной надежде дождаться паузы.

— Нам следует сейчас же ехать домой, — ответила Эллинор. — Вы правы, моя дорогая миссис Моррисон. Простите меня, пожалуйста. Ведь от сегодняшнего разговора зависело, быть может, счастье всей жизни.

Она смотрела не на миссис Моррисон, а на мистера Маргрейва, который встал и с видом крайней безучастности прислонился к каминной полке.

— Я приняла решение по совету моего опекуна. Решение, которое, без сомнения, сделает счастливыми всех, кого оно

касается. Я вполне к вашим услугам, миссис Моррисон.

Горас Маргрейв коснулся колокольчика подле себя.

— Через три минуты карета будет у въезда в Грейз-инн, Эллинор. Я провожу вас до ворот. Поверьте, вы поступили мудро. Насколько мудро — вы, быть может, никогда не узнаете.

Он сам проводил дам по широкой лестнице с обшитыми панелями стенами, затем надел шляпу и повёл подопечную через тихие дворы Грейз-инна к карете. Она была серьёзна и молчалива; он тоже не заговаривал, пока она не села рядом со своей пожилой компаньонкой в просторное ландо. Тогда он опёрся рукой о дверцу и сказал:

— Сегодня вечером я привезу Генри Долтона на Хартфорд-стрит, чтобы представить его будущей жене.

— Сделайте одолжение, — ответила она. — Прощайте!

— Всего лишь до восьми часов.

Он приподнял шляпу и смотрел вслед удалявшейся карете. Потом медленно вернулся к себе, бросился в роскошное кресло, достал сигару из маленького венецианского ларца на столике рядом, закурил, придвинул кресло к огню, упёр каблуки в полированную сталь низкой каминной решётки и приготовился лениво провести полчаса перед обедом.

Закуривая, он мрачно посмотрел в пламя у своих ног и произнёс:

— Горас Маргрейв, если бы ты только был честным человеком!

Глава 2. Тайна приоткрывается

Стрелки часов из золочёной бронзы в маленькой гостиной на Хартфорд-стрит, где поселились Эллинор Арден и миссис Моррисон — её компаньонка и сопровождающая, жившая на её содержании, показывали четверть девятого, когда к дверям тихо подкатил закрытый экипаж мистера Маргрейва.

Горас Маргрейв занимал в своей профессии далеко не последнее место. Практика у него была обширная и весьма почтенная: преимущественно дела железнодорожных компаний, связанные с чрезвычайно крупными сделками. Он происходил из превосходной семьи, был изящен, умён, образован — слишком хорош для стряпчего, как говорили все, но при этом очень хорошим стряпчим, как неизменно повторяли клиенты. В свои тридцать два года он оставался холост, и никто не понимал почему. Не одна богатая наследница и множество хорошеньких женщин с гордостью ответили бы «да» на предложение Гораса Маргрейва из Грейз-инна и Фир-Гроува в Стэнлидейле, графство Беркшир. Но красивый стряпчий явно предпочитал свободную холостую жизнь: если бы он легко поддавался женским чарам, то непременно влюбился бы в прелестную подопечную, Эллинор Арден.

Эллинор жила в Лондоне лишь несколько недель. Покинув надзор тётушки по матери в Париже, она бросилась в во-

доворот английского света лишь под присмотром пожилой компаньонки, выбранной и нанятой тётушкой и мистером Маргрейвом. Мир был для неё нов: из тесного круга монастырской школы, где её воспитывали, и тихих салонов Сен-Жерменского предместья, столь любезных тётушке, она сразу вступила в лондонское общество единственной наследницей Джона Ардена, владельца Ардена.

Поэтому за советом и руководством она обращалась к Горасу Маргрейву, и только к нему. Его она помнила ещё по счастливым детским дням среди шотландских гор: молодым человеком, приезжавшим поохотиться и гостившим у её отца. Он время от времени навещал тётушку в Париже и всегда проявлял к Эллинор нежную дружбу старшего брата. Его влиянию она подчинялась так безраздельно, словно он в самом деле был ей отцом, которого по закону заменял.

Когда под окном остановился экипаж, её щёки вспыхнули.

— Ну, миссис Моррисон, — сказала она насмешливо, — сейчас явится мой несравненный *будущий супруг*. Со светлыми волосами и толстыми сапогами.

— Прийти в толстых сапогах было бы весьма невежливо, — ответила рассудительная компаньонка. — Мистер Маргрейв говорит, что это очень достойный молодой человек.

— Вот именно, моя дорогая миссис Моррисон: просто «человек». Одно слово — и вся его характеристика!

— Ах, моя мечта, моя мечта! — прошептала она едва слышно.

Лишь сегодня она переправилась через Рубикон житейской мудрости и ещё не освоилась на новом берегу. Она оставалась весьма романтичной и, быть может, весьма глупой.

Слуга доложил: «Мистер Маргрейв и мистер Долтон». Эллинор Арден невольно подняла глаза, с любопытством желая увидеть молодого человека, которого столь глубоко презирала и к которому питала столь незаслуженную неприязнь. Он был примерно на три года старше её, среднего роста. Волосы, как она и предрекала, светлые, но вовсе не некрасивого оттенка; они обрамляли широкий, крупный лоб. Черты довольно правильные, глаза тёмно-синие. Лицо серьёзное; лишь изредка на твёрдо очерченных губах мелькала тихая улыбка. Рядом с Горасом Маргрейвом он отнюдь не казался красавцем. Но для знатока человеческих лиц он был выше стряпчего именно в том, чего последнему недоставало: в силе, решительности, уверенности в себе, упорстве — словом, во всём, что создаёт выдающегося человека.

— Мистер Долтон с нетерпением ждал часа, когда окажется рядом с вами, мисс Арден, — сказал Горас Маргрейв. — Об условиях дядиного завещания, о которых вы узнали лишь сегодня, ему известно уже давно.

— Если эти условия огорчили мисс Арден, мне жаль, что она вообще о них узнала, — спокойно произнёс молодой человек.

Эллинор посмотрела ему в лицо и заметила в синих глазах, обращённых к ней, особенную искренность.

«Он, пожалуй, не так уж плох, — подумала она. — Глупо было над ним смеяться. Но полюбить его я никогда не смогу».

— Мисс Арден, — продолжал он, садясь на стул у её дивана; Горас Маргрейв стоял по другую сторону камина, прислонившись к нему. — Обстоятельства нашего знакомства так необычны, что ради счастья обоих нам лучше сразу понять друг друга. Ваш покойный дядя был самым дорогим моим другом. Ни один отец не мог бы быть дороже самому любящему сыну, чем он был мне. Потому всякое его желание навсегда останется для меня священным. Но меня воспитывали так, чтобы я полагался лишь на себя, и я по правде не желаю ничего лучше, как самому проложить свой путь, без помощи связей или богатства. Утрата этих денег, следовательно, для меня не утрата. Если вы хотите отказаться от моей руки и сохранить состояние, на которое вы одна имеете право, — откажитесь. Никто никогда не помешает вам владеть тем, на что вы имеете больше прав, чем кто-либо другой. Мистер Маргрейв, ваш стряпчий и исполнитель дядиного завещания, завтра же составит от моего имени документ об отказе от всех притязаний на это имущество. Одно ваше слово — и я прощусь с вами сегодня же, прежде… — Он заговорил медленнее, пристально глядя на её прекрасное лицо. — Прежде чем я привяжусь к вам так сильно, что уже не смогу поступить с вами справедливо.

— Мистер Долтон, — сказал Горас Маргрейв, лениво на-

блюдавший за ними из-под тёмных ресниц, — вы приносите римскую добродетель в Мэйфэр. Вы оздоровите здешний воздух.

— Мне уйти или остаться, мисс Арден? — спросил молодой человек.

— Останьтесь, мистер Долтон.

Она поднялась и, словно ища опоры, положила руку на спинку стоявшего рядом стула.

— Останьтесь. Если брак, которого желал покойный дядя, может сделать вас счастливым, пусть будет так. Я не вправе одна владеть состоянием, которое мне не принадлежит; но могу разделить его с вами. Признаюсь — и знаю, что ваша великодушная натура за это признание станет уважать меня больше, — я позволяла себе лелеять мечту, в которой был образ другого. Я была глупа, заблуждалась, вела себя нелепо, как часто ведут себя школьницы. Мечта кончилась. Если вы готовы принять дядино состояние и моё уважение — первое ваше по праву, а второе вы заслужили своим поведением сегодня вечером.

Она протянула ему руку. Он нежно пожал её, поднёс к губам, проводил Эллинор к дивану и снова сел на стул рядом.

Горас Маргрейв закрыл глаза, словно давно ожидаемый удар наконец обрушился на него.

Остаток вечера тянулся медленно. Мистер Маргрейв говорил — и говорил блестяще, — но слушатели ему достались весьма унылые. Эллинор была рассеянна, Генри Долтон за-

думчив, миссис Моррисон необыкновенно тупа. Стряпчему стоило немалого труда блистать в столь скучном обществе. Когда часы, на которых бронзовый позолоченный Пан возлежал среди целого леса камышей, пробили половину одиннадцатого, он увёз мистера Долтона. Эллинор осталась размышлять о серьёзном обязательстве, которое приняла на себя в минутном порыве.

— Лучше я возьму кэб до Темпла, — сказал молодой Долтон, когда они вышли из дома. — Доброй ночи, мистер Маргрейв.

— Нет, мистер Долтон. Мне необходимо кое-что вам сказать; и, кажется, я предпочёл бы сказать это ночью, а не днём. Если вас не пугает поздний час, поедемте ко мне и выкурим сигару. Мне нужно поговорить с вами с глазу на глаз целый час, прежде чем вы вновь увидите Эллинор Арден. Сегодня? Я прошу вас об одолжении: пусть это будет сегодня.

Слова и поведение стряпчего немало удивили Генри Долтона, однако он лишь поклонился и ответил:

— С большим удовольствием. Я вполне к вашим услугам. Вернувшись к себе, я ещё часа два или три читал бы, так что не опасайтесь, будто лишаете меня сна.

Генри Долтон и Горас Маргрейв проговорили у последнего почти три часа. Ни один из них не выкурил сигары; стоявшая на столе бутылка мадеры осталась нетронутой. Однако можно было заметить, что винный шкафчик открывали и достали графин бренди: пробка лежала подле него, а рядом

стоял один бокал, осушённый до дна.

После полуночного разговора.

Часы били два, когда Горас Маргрейв отворил входную дверь, выпуская позднего гостя. На пороге он задержался,

крепко сжал руку Долтона и прошептал:

— Значит, я спасён! Ваше обещание нерушимо!

Генри Долтон повернулся и взглянул ему прямо в лицо — в бледное лицо с опущенными глазами.

— Долтоны из Линкольншира не аристократы, мистер Маргрейв. Но слово держат. Доброй ночи.

На прощание он не подал руки — лишь приподнял шляпу и серьёзно поклонился.

Горас Маргрейв вздохнул, запирая двери, и вернулся в тёплый кабинет.

— Во всяком случае, я спасён, — произнёс он. — А ведь мог бы быть счастлив. Мудро ли я поступил нынче ночью? Хотел бы я знать, мудро ли.

Взгляд его блуждал над камином, где помещались две пары богато отделанных пистолетов и небольшой кинжал в чеканных серебряных ножнах.

— Быть может, и объясняться-то было незачем. Быть может, такая жалкая игра вовсе не стоит свеч.

Глава 3. После медового месяца

После полуночного разговора в комнатах Гораса Маргрейва прошло три месяца. Начался оперный сезон; под классическим порталом Театра Её Величества уже появились три новых тенора, два сопрано и один бас-баритон. Модный роман переходил из рук в руки; на Роттен-Роу красовались амазонки и *пресыщенные* лейб-гвардейцы; на пыльных тротуарах Вест-Энда продавали моховые розы, а Ковент-Гарден цвёл искусно составленными букетами и сиял алжирскими фруктами. Словом, Лондон был в самом разгаре сезона, когда мистер и миссис Генри Долтон вернулись из свадебной поездки по Камберлендскому озёрному краю и поселились в небольшом доме на Хартфорд-стрит, обставленном Эллинор ещё до замужества.

Ухаживание было недолгим. В нём не было ни сладостной неуверенности, ни сомнений, мечтаний, страхов и надежд, из которых складывается поэтическое предисловие к браку по любви. Этот брак был предписан волей покойного дяди; в основе его лежало уважение, а не любовь. Она вступила в него, повинуясь великодушному порыву своей горячей натуры, которую никогда не сдерживал рассудок.

Счастлива ли она? Могут ли холодное уважение, спокойное почтение к человеку, выбранному для неё другим, удовлетворить пылкое сердце романтической девушки?

Она замужем уже шесть недель и со дня свадьбы не видела Гораса Маргрейва, единственного своего друга в Англии — если, конечно, не считать мужа. Не видела с того солнечного утра, когда он взял её ледяную руку в свою и, как опекун, заменявший ей покойного отца, передал её мужу. Эллинор помнила, что в тот день рука его была такой же холодной и безжизненной, как её собственная, а усталое лицо казалось ещё бледнее обычного в весеннем солнце, лившемся сквозь церковные окна. И всё же за свадебным завтраком он исполнял обязанности хозяина, провозглашал тосты за новобрачных, говорил любезности подружкам невесты и всем угождал с безупречной грацией и поразительной лёгкостью всесторонне одарённого Гораса Маргрейва. Если Эллинор когда-нибудь думала, что в память о старых днях, ради покойного отца или собственного хорошенького лица вправе быть мистеру Маргрейву хоть немного дороже самого безразличного клиента, эта мысль рассеялась оттого, с какой светской *невозмутимостью* он простился с ней, когда четвёрка резвых лошадей повезла их по первому участку дороги в Уиндермир.

Был конец июня. Миссис Долтон сидела в маленькой гостиной, ожидая утренних посетителей. Новобрачные уже неделю жили в городе, а Горас Маргрейв ещё ни разу не зашёл. В это утро она выглядела усталой и тщетно искала себе занятие. То подходила к открытому роялю, наигрывала несколько аккордов блестящего пассажа или тихо трогала

клавиши, напевая несколько итальянских слов под задумчивую мелодию; то брала со стола неразрезанный роман и читала страницу-другую там, где он раскрывался. Потом подходила к пяльцам, подолгу подбирала шерсть, вдевала нитки в иглы — и, закончив приготовления, не делала и трёх стежков. Затем вяло бродила по комнате, рассматривая картины и пробные оттиски гравюр на бледных серебристо-серых стенах. Наконец ей всё так наскучило, что она опустилась в кресло у открытого окна и стала праздно смотреть через крошечный лес гелиотропов и гераней вниз, на жаркую солнечную улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.